* * *

Свободную птицу с красивым пером

В железную клетку заманят зерном.

И все ее небо – в проеме окна.

О жесткие прутья перо обобьет.

А ей умиляются: «Ладно поет».

* * *

Клином отлетные гуси прошли,

Грусть ненароком смахнула слезу.

Взмахи натруженных крыл тяжелы –

Ходят волнами озера внизу.

Завтра и я улетаю. Со мной,

Что приключиться должно –

Приключись.

Молча роняет дождинку слезой

Этот последний на веточке лист.

Перевод с татарского
Анатолия Васильева.

НЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИРТЫШ!

Куда бы я по свету не ходил,
Душа порой разбита и пуста.
О, мой Иртыш, ту воду, что я пил,
Хранят священной памятью уста.
Заполонила жизнь мою тоска,
Лишь вспомнил вербы кроткие в ночи,
Дыханье волн, прибойный шум песка…
А в сердце боль такая – хоть кричи.
Дорогу к пойме, гальку в ручейках
В своей душе навеки сберегу.
И волны в белопенных колпачках,
Что с трепетом встречал на берегу.
О, мой Иртыш, ты слышишь сердца стук?
Я снова вспомнил зори над тайгой.
Пусть далеко я – знай, могучий друг,
Душой и сердцем преданно с тобой.

И Я, СЛОВНО ПТИЦА

Когда весна внезапным всплеском
Приходит вдруг, и ледоход
Сверкает льдин слепящим блеском,
Я вижу в небе хоровод.
То в край родной стремятся стаи
Из дальних мест, с большой тоской,
Крылами рассекая дали,
Чтоб обрести опять покой.
К родным озёрам и урманам,
Что краше нет на всей земле.
Чтоб песни петь седым туманам,
Привольный гимн своей стране.
И вновь душа моя крылата,
И сердцем снова мир любя,
У родника в часы заката
Я птицей чувствую себя!

Перевод с татарского

Павла Черкашина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Метеор» несет меня

резвого, быстрей коня

над волной речной –

домой, домой!

Тормозни-ка, мой дружок,

вон зеленый бережок.

Хоть глядится каменным,

да зовется маминым…

* * *

Так пишу,

засучив рукава,

как ношу!

Поддаются слова.

И лежат моих строчек рядки,

как на чистой поляне валки

* * *

МАТЬ

Все сына ждет

и отдыха не знает.

Уж сколько лет прошло!

Нет, ожидает.

И на подоле

Траурной одежды –

надежда!

Ничего, кроме надежды…

* * *

Что с моими дорогами? Что же вы?..

Отпустите в чужие края!

Неподъемная, на подошвы

Налипает родная земля.

Перевод с татарского

Александра Гришина.

* □ * □ *

Родился Булат Валикович Сулейманов 28 мая 1938 года в ауле Супра Вагайского района Тюменской области. В молодые годы он жил и в городе Омске, где работал маляром и бетонщиком. Он один из ярких представителей сыбыров, первый профессиональный поэт своего народа, общественный деятель, сын нации. Всю свою жизнь беззаветно, с горячностью защищал право своего народа на нефальсифицированную историю, на развитие языка, на достойное существование земляков из сибирских аулов.

В своих стихах Булат с особым трепетом повествует о родной Сибири, создает светлые поэтические образы её людей, природы. Многие лирические строчки пронизаны чувством грусти, одиночества, утраты дорогих реликвий народа. Очень переживал, что не может профессионально писать на родном сибирском языке и не где не может опубликовать такие стихи. Те же проблемы остались и сейчас у наших безызвестных самородков, пишущих на родном языке.

В 1991 году его не стало. Многие наши земляки не верят в его естественную смерть, слишком уж прямой и неудобной личностью был Булат для бывшей советской парт-номенклатуры. Он оправдывал свое древнетюркское имя, был таким же твердым и непоколебимым как булат.

Борис ГАЛЯЗИМОВ,

член Союза российских писателей (г. Тюмень)

СИРЕНЬ БУЛАТА

…Однажды ко мне в гости из медвежьей своей Супры нагрянул татарский поэт Булат Сулейманов. Человек весьма тяжкой судьбы и почти невыносимого характера. Как говорится, сель ави. Приехал Булат со своей матушкой, покорной и немногословной женщиной, пугающейся всего, что было связано с городским не понятным ей укладом. Как и положено, мы пили густой, как сусло, чай. Что-то там еще пили уже без мамаши, ушедшей смотреть сны. И почти до петухов спорили о поэзии. Булат кипел, точно вода в чайнике. Стихи его широко печатали в престольной Казани. Он даже стал лауреатом одного из журналов. Однако в Тюмени такого поэта, как Сулейманов, вроде бы не существовало. Он, многое понимавший, не понимал, что признание к поэту приходит после его смерти. И ворчал, что в областном центре нет даже плохих переводчиков. Да и вообще ворчал - переворчать его мог только трактор - на всех и вся, потому что не видел впереди желанного просвета.

В те дни я перевел три его стихотворения и опубликовал в областной газете. Переводы были холодными, что вызывало новый прилив ворчания гения из Супры: "Фамилия моя, а все остальное галязимовское!"

И вдруг однажды я увидел стихи Булата в переводе... Саши Гришина. Переводы были, конечно же, вольными. Однако булатовская манера письма и образность каждой его строки были схвачены до удивительного точно. Девять творений первого сибирско-татарского поэта Саша Гришин включил в свой последний сборник. Подборка стихов строго обособлена и называется она "Эхо Булата". Сколько красоты в этих двух словах! Но что удивительно, только сейчас я сделал для себя настоящее открытие. Оказывается, Булат, вроде бы черствый душой человек, тоже любил сирень. Говорят, она когда-то цвела и в палисаднике перед деревенской избой.

Габдель МАХМУТ,

член Союза писателей России (г. Надым)

ПРАВДА СУЛЕЙМАНОВА

Национальное бесконечно богато
Д.С. Лихачев

В любом обществе обязательно бывают люди, чья мысль опережает время, взгляды современников, которых понимаем с опозданием.

Таким был мой земляк и друг, у кого я останавливался жить, будучи в Тюмени, сибирско-татарский поэт Булат Сулейманов, которому я посвятил в общем-то рядовой рассказ свой "Шамайка" в книге "Земляки". Он был именно таким в свое время - великим в мыслях и движении души, и наивным, беспомощным в поступках повседневных, житейских.

Как юнец, очарованный наступившей эпохой гласности и зачатков перемен, он пишет, а "Тюменская правда" в качестве полемической наживки публикует статью "Сибирские татары. Кто мы?", где со своей колокольни доказательно, а с точки зрения оболваненной толпы крамольно, пишет о проблеме языка, литературы, культуры и искаженной доселе истории сибирских татар. Из этой его статьи я впервые узнал и заинтересовался тем, что, оказывается, сибирско-татарский язык имел свою письменность на основе арабского алфавита, входил в число дипломатических языков.
Ох и развернулась тогда драчка! Всем скопом набросились на одинокого, без того битого не раз в течение долгих лет творчества, поэта. В этой толпе слепой и не созревшей до восприятия свежего взгляда, оказались и защищаемые Булатом татары. Он писал, что если "Нет языка - нет народа" (так называлась другая его проблемная статья), а мой классный руководитель, когда-то как математик доказывавший нам превосходство рубля над долларом, на всю область на примерах своих учеников (без меня - не знал, кем я стану, а то бы вошел в список) гневно распекал оппонента Сулейманова. Мол, ничего страшного не было, зато обученные в русифицированных татарских школах его воспитанники стали больше поступать в институты (чего только не бывает на свете! Мои две сестренки, с первого класса засевшие за парты с русскими учебниками по всем предметам, так и не получили высшего образования, а я, все 10 лет обучавшийся по татарским учебникам, стал русскоязычным писателем).

Но разве об этом болела душа поэта Сулейманова? Он говорил лишь, что нельзя было повально увлекаться этим. Татары, между прочим, любое указание обязательно

перевыполнить норовят, как тот русский дурак из поговорки. Мы лучше всех уничтожили свои мечети. Лучше других перевыполнили перевод на русские учебники. И татарский язык стали преподавать в объеме, как я когда-то учил немецкий. В результате выросло целое поколение, не овладевшее в полной мере русским, зато оторванное от татарской культуры... навсегда. Родной язык остался на уровне разговорно-бытовом, для общения с не обрусевшими дедами.

Кому в Тобольске мешала татарская газета? - вопрошал в своих статьях Булат Сулейманов. Почему надо было закрывать татарские клубы, до нуля низвести там татарские школы, учебники, затем за ненадобностью и татарское педучилище? Разве этим завоевывается авторитет у русского человека?

До перестройки, когда нельзя было что-либо издать, опубликовать на эту тему, Булат ездил по районам области, выступал в школах, институтских аудиториях, клубах. И, как всегда, на тот самый вопрос тривиальный, как он стал поэтом, объясняя и говоря об истоках, приведших его к поэтическому творчеству, к перу, начинал рассказывать о перевранной советскими учебниками истории нашего народа, неверном преподнесении темы взаимоотношений русского и татарского народов. Еще в те далекие семидесятые, когда мы снова полюбили Сталина, пели оды трудам - государственным и литературным - Брежнева, Булат рассказывал, что сибирские татары, как и все другие татаризированные разные этносы, не с монголами пришли и захватили территории, где живут, а были завоеваны этими чингизидами, колонизированы и как рабы-щиты, рабы-оружие (а часто и добровольно, ведь всегда брали кнутом и пряником) были вовлечены в дальнейшие войны и походы - против Руси, Европы. Раз не с монголами, значит, была у татар другая дорога, приведшая в Сибирь, и шла она с Алтая, и жили татары на своих сибирских просторах за сотни лет до Кучума, с которым воевали, которому покорились насильно физически, но не духом. Затем им пришлось; одним - с Кучумом - воевать против Ермака, а другим - помня о завоевании Кучумом - пассивно оставаться в тени.

Эти ошеломительные откровения, правда Булата вызвали шквал самых разнообразных откликов в периодике - от восхищения до полного непонимания. И в те годы, и после его статьи в "Тюменке", требования "читателей" были одни - не может такой очернитель оставаться членом Союза писателей СССР, ату его!

Когда в декабре 1990 года в Тюмени собрался съезд населения области для создания ассоциации татар "Сыбыр" (трактовка Сулейманова, хотя, по мне, по произношению и надо было именовать: "Себер" - от "себеру", т.е. мести, в смысле "сметенный народ" -

таково этнонимическое самоназвание сибирских татар), весь зал рукоплескал, скандировал, предлагая Булата в президиум, в докладчики, в содокладчики, наконец... Но триумф его тут же сменился трагедией. Рвавшаяся к власти национальная элита, не желавшая допустить его в свои ряды, была хорошо подготовлена: народу, всегда уважавшему мнение властей предержащих, запустили аргументированный ответ тогдашнего зампредседателя облисполкома, который и "показал", "открыл" народу "истинное" лицо Булата Сулейманова: дескать, на одном важном мероприятии он, допущенный к трибуне, выпалил не к месту: "Вы, русские, - кильмешяки (приблудившиеся кошки) на сибирской земле"...

Я сидел и думал: "Неужели мой собрат мог такое написать, да еще принародно это читать?.." Теперь перечитываю это стихотворение поэта и
диву даюсь. Нет сильнее удара, когда бьют человека его же словами. Если б тогда зачитали истинно его строки! "Мы, татары, - не кильмешяки на этой земле - на родине своей поем", - писал он. После этого злополучного съезда, когда была создана ассоциация, неизвестно чем занимающаяся поныне, Булат прожил неполных два месяца. Ему шел всего-то 53-й год, был в расцвете своего дарования. Обиду от своих он не пережил. Запил, желая залить свое израненное сердце, и в одиночестве, не дотянувшись до телефона, застыл...

Александр ГРИШИН,

член Союза писателей России (г. Тюмень)

ЭХО БУЛАТА

…Он был прежде всего поэтом, редким, потому что истинным. Легко ранимым. Обидчивым, но и отходчивым. Он был первым профессиональным поэтом своего народа – сибирских татар. Теперь, после его ранней смерти, нелепой, как и видимая обывателю часть его жизни, думаю, можно произнести это обязывающее слово – основоположник.

Личное знакомство произошло, когда он принес мне подстрочник своего «Весла», попросил перевести на русский. Я прочитал. Это было – настоящее. Лаконизм, неоднозначность высказывания, прозрачность и глубина. Все это угадывалось даже в подстрочнике, написанном прозой. И я счастлив, что ему понравился этот мой перевод, за которым последовали другие.